

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.В. Прокофьев

Моральные санкции в этике О.Г. Дробницкого

Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, доцент. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID 0000-0001-5015-8226
e-mail: avprok2006@mail.ru

В статье предпринята попытка реконструировать представление О.Г. Дробницкого о моральных санкциях и встроить его в историю исследования этого феномена в этике, социологии и антропологии. Предложенное О.Г. Дробницким описание моральных санкций в основном соответствует той традиции их понимания, которая связывает их с общественным осуждением нарушителя моральной нормы. Уже в первом обращении к этой тематике в «Кратком словаре по этике» О.Г. Дробницкий определяет моральную санкцию как форму духовного воздействия на нарушителя, не затрагивающую его реального положения и материального интереса. Она состоит в высказывании ему негативной оценки. В монографии «Понятие морали: историко-критический очерк» О.Г. Дробницкий развивает и углубляет эту идею. Основное направление развития связано с выявлением двухполюсного характера моральных санкций: общественное осуждение представляет собой внешний полюс, но он дополняется внутренним, который задан принятием осуждения и переживанием стыда, раскаяния, угрызений совести. Этим мораль отличается от обычая, который поддерживается «эмоционально-волевым давлением» окружающих. То есть «идеальный характер» моральной санкции у О.Г. Дробницкого состоит не только в отсутствии материально-физического воздействия на нарушителя, но и в том, что она включает «субъективное отношение [нарушителя] к себе». Вторая традиция понимания моральных санкций рассматривает в качестве одной из них само по себе самоосуждение нарушителя, его негативные эмоции самооценки. К этой трактовке Дробницкий приближается лишь в некоторых фрагментах своей докторской диссертации.

Ключевые слова: этика, мораль, моральная детерминация, нормативная регуляция, моральные санкции, угрызения совести

Введение

Этика Олега Григорьевича Дробницкого была и остается важным ресурсом для современной российской этической теории. Созданный им теоретический образ морали до сих пор выступает как перспективная отправная точка для осмысления ее специфики. Одновременно его работы являются ключом к пониманию некоторых важных процессов, происходивших в междисциплинарном пространстве изучения морали в XX в. Данное исследование призвано на примере этики О.Г. Дробницкого уточнить характер изменений в понимании философами, социологами, антропологами природы моральных санкций и одновременно обеспечить более точную реконструкцию идей Дробницкого на основе встраивания их в контекст этого процесса. Исследователи творчества Дробницкого не уделяли специального внимания тому, что он подразумевал под моральными санкциями, хотя, естественно, постоянно упоминали тот факт, что Дробницкий довольно активно пользовался этим понятием. Мне хотелось бы сфокусироваться именно на том, как он его использовал и для каких целей.

Этика Дробницкого сконцентрирована вокруг двух масштабных задач: выявить особенности морали как особой формы регуляции поведения и определить ее роль во всемирно-историческом процессе. Вопрос о специфике моральных санкций тесно связан у него с решением первой задачи. То, как она была решена Дробницким, в общем виде сформулировал Р.Г. Апресян:

Подход Дробницкого к морали... состоял в том, что: (а) понятие «нормативная регуляция деятельности» последовательно рассматривалось им как родовое по отношению к понятию «мораль», (б) моральная регуляция трактовалась как особая, а именно общественно-историческая, разновидность детерминации поведения, (в) спецификация морали проводилась на основе выделения характерных признаков осуществляемой ею регуляции, (г) в этом контексте другие функции морали (ценностно-ориентирующая, духовно-практическая и др.) рассматривались им как аспекты регуляции поведения [Апресян, 2021, 99].

Попытка конкретизировать пункт (в) неизбежно выводит исследователя творчества Дробницкого на проблему моральных санкций.

Однако дело не просто в том, что использование этого понятия Дробницким предрешено его общей установкой по отношению к изучению морали, а в том, что эта установка превращает понятие моральных санкций в центральное, в своего рода замковый камень, который обеспечивает устойчивость всей теоретической конструкции. Не случайно у Дробницкого возникают пассажи, где уточнение особенностей моральных санкций является неотъемлемой частью ответа на вопрос, что такое моральная регуляция, и играет при этом не меньшую роль, чем прояснение особенностей моральных предписаний. Определение моральной санкции не является тривиальной задачей, а, напротив, требует от теоретика особого внимания и предельной концентрации усилий. Как отмечает Дробницкий в монографии «Понятие морали»:

Специфика... собственно нравственной регуляции включает какие-то особые формы предписаний и санкций. Как будто бы ясно, что к специфически нравственному воздействию нельзя отнести прямое насилие или его угрозу, и столь же очевидно, что в морали требование общества к человеку принимает форму

самовеления, самоконтроля и самооценки; оно каким-то образом «интернализуется». Но... эти как будто бы очевидные вещи нуждаются в детальном теоретическом анализе, [а именно] – какие особые санкции действуют в нравственности; каков механизм их воздействия на индивидуальное поведение и сознание; каким именно образом «внешнее» требование переходит во «внутреннее»? [Дробницкий, 1974, 131–132].

Дальнейшему рассуждению о моральных санкциях у Дробницкого я хотел бы предпослать два небольших пояснения. Одно касается того, что такое санкция, а другое – того, как формировалось представление о моральных санкциях в науках о морали в последние два с половиной века. У слова «санкция» в европейских языках есть два центральных значения. Одно связано с легитимизацией определенных поступков, традиций или институтов со стороны какой-то авторитетной инстанции. Санкционировать в этом смысле значит «дать добро» на какое-то действие или указать на оправданность существования чего-то всем тем, кто признает авторитет этой инстанции. Другое значение указывает на последствия соблюдения или нарушения какой-то нормы для того, кто ее соблюдает или нарушает. Эти последствия могут быть благоприятными и неблагоприятными, но в любом случае они являются сознательно созданными или возникшими в сознательной практике. Санкции такого рода не происходят, а налагаются. Интенция санкций может быть связана с соблюдением нормы в будущем или с ретроспективными соображениями заслуженности. Практически во всех регулятивных контекстах, включая моральный, основную роль играют негативные санкции.

В науках, изучающих мораль (собственно этике, социологии морали, психологии морали, антропологии, правоведении), сложились две традиции понимания специфики моральных санкций. Одна традиция отождествляет их с общественным осуждением нарушителя моральной нормы, если это осуждение не принимает форму физического воздействия на нарушителя (наличие физического воздействия или угрозы им переводят санкцию в разряд правовых). Эта традиция являлась преобладающей в исследованиях по социологии и антропологии конца XIX – середины XX вв. (см. обобщение: [Radcliff-Brown, 1952, 205–211]). Другая традиция включает в число моральных санкций сами по себе негативные переживания нарушителя вне зависимости от того, являются ли они результатом внешнего осуждения. Эмоционально нагруженное самоосуждение может рассматриваться при этом в качестве приоритетной или даже единственной моральной санкции. У истоков этой традиции стоял Дж.С. Милль, провозгласивший муки совести высшей санкцией моральных стандартов [Милль, 2013, 115].

Как на этом фоне выглядит этика Дробницкого? Прежде всего, Дробницкий использует слово «санкция» в обоих значениях, но специально не обсуждает его многозначность. И, что существенно, в его текстах имеются фрагменты, в которых смысл слова очевиден, но есть и такие фрагменты, в которых присутствует неопределенность. Далее, Дробницкого следует рассматривать как представителя первой из двух традиций понимания моральных санкций. Однако он пытается внести в ее исходную версию существенные изменения, которые можно рассматривать как попытку дать более точное описание

морального опыта и одновременно как небольшой шаг навстречу второй традиции. Дробницкий не был одинок в этих своих усилиях; некоторые другие исследователи морали того периода стремились сделать что-то подобное, и Дробницкий довольно успешно опирался на их достижения. Что же касается прямого присоединения ко второй традиции, то Дробницкий использует формулировки, которые могут быть проинтерпретированы именно так, но лишь в редких случаях. Я анализирую их в самом конце статьи.

Первый опыт обращения к проблеме моральных санкций

Вопрос о специфике моральных санкций затрагивается Дробницким в разных работах, но первым систематическим обращением к нему является небольшой текст, посвященный непосредственно моральным санкциям. Он вошел в «Краткий словарь по этике» (1965) и называется «Санкция моральная». Непрямую определение санкций как таковых, без дифференциации по системам регуляции, в статье отсутствует. Есть лишь определение собственно моральной санкции. Но по этому определению и ближайшим к нему пассажирам можно предположить, что санкция понимается Дробницким как «подтверждение требований» с помощью тех или иных действий или как средство, которое «обеспечивает выполнение всеми людьми предписываемых им требований» [Дробницкий, 1965, 391].

Различие между типами санкций связано с содержанием требований и с характером «подтверждения» («обеспечения»). В качестве контрастного фона для моральных санкций в статье выступают санкции «экономические» (пример – «материальные вознаграждение или штрафы»), «правовые» (пример – «уголовная ответственность»), а также «разнообразные формы административного принуждения и общественного воздействия». Эти санкции отличает то, что они «затрагивают положение и интересы человека», имея в виду нарушителя нормы. Они охарактеризованы как «воздаяние, поощрение и наказание». Моральная же санкция характеризуется с помощью другого термина – «воздействие», причем она является формой «духовного воздействия» и, не затрагивая реального положения и интересов нарушителя, осуществляется посредством «оценки поведения». Оценка призвана повлиять на поведение нарушителя и всех окружающих, она предписывает и запрещает. Субъект моральной оценки – каждый человек, обладающий моральным сознанием, поэтому авторитет моральной санкции связан не с должностным положением оценивающего лица, а с тем, что оно «усвоило содержание нравственных требований и выполняет их» (Дробницкий обозначает эту способность словом «сознательность») [Там же, 391–392].

Из приведенной выше характеристики моральной санкции следует, что Дробницкий обсуждает внешнюю оценку, а не оценку агентом самого себя. Это ключевой признак первой традиции ее понимания. Однако следует учесть, что для Дробницкого важной особенностью моральных санкций является то, что они выступают в качестве «дополнительного» средства регулирования поведения. По смыслу содержащейся в статье фразы они дополнительны

по отношению к самим по себе моральным нормам и принципам, поскольку лишь подкрепляют их действие [Дробницкий, 1965, 392]. Осознание оправданности требования, если оно уже достигнуто индивидом, может и должно работать и само по себе. Тем самым открывается перспектива введения в теорию моральных санкций внутреннего компонента либо в радикальной версии, которая соответствует второй из двух упомянутых выше традиций, либо в умеренной, которая предполагает существенное преобразование первой. Однако реализации такой возможности в словарной статье Дробницкого мы не видим.

Завершается статья анализом того аспекта моральных санкций, который выявляется Дробницким в связи с ролью морали как идеологии. Здесь он наполняет содержанием присутствующий в самом начале текста тезис, что моральная санкция применяется не только к индивидам и их « поступкам », но и к « общественным явлениям » (далее следует формулировка – « к социальным институтам, общественным явлениям и даже к тому или иному обществу в целом »). Как оказывается, вводя этот тезис, Дробницкий подразумевает первое значение слова « санкция » – санкция как акт легитимизации, как одобрение тех или иных явлений в рамках какой-то целостной ценностно-нормативной системы. В этой связи Дробницкий характеризует буржуазную мораль как дающую санкцию капиталистической эксплуатации, а коммунистическую – как « одобряющую все то, что способствует избавлению человечества от социальной несправедливости, неравенства и эксплуатации » [Там же, 392–393]. Переход между значениями является неожиданным и не очень логичным. Но то, что он возможен именно в таком режиме, важно для понимания некоторых фрагментов других работ Дробницкого, прежде всего его диссертации.

Дробницкий и первая традиция понимания моральных санкций

Вслед за анализом словарной статьи я хотел бы перейти к выявлению отношений моральной философии Дробницкого с первой традицией понимания моральных санкций. Я уже отметил, что словарная статья в целом следует именно ей, причем в наиболее простом, первоначальном ее варианте. Здесь моральная санкция – это доведенная до нарушителя, эмоционально нагруженная негативная оценка его действий. Однако позиция Дробницкого отражает важный поворот внутри этой традиции, который существенно корректирует ее первоначальный вариант. Возможности для осуществления такой коррекции открывали уже некоторые формулировки из статьи. Однако реализуются они лишь в докторской диссертации Дробницкого (1969) и монографии « Понятие морали. Историко-критический очерк » (1974). Причем в монографии коррекция более отчетлива, и, кроме того, монография представляет собой более зрелый текст. Поэтому для выявления отношений между этикой Дробницкого и первой традицией понимания моральных санкций я обращусь именно к ней. А когда возникнет необходимость соотнести творческое наследие Дробницкого со второй традицией, в базовый источник превратится именно его докторская диссертация. Именно здесь наблюдаются

пусть спорадические и не превращающиеся в отчетливую тенденцию колебания автора между двумя традициями. Такой подход ломает хронологическую последовательность анализа идей Дробницкого, но зато позволяет расположить его обращения к тематике моральных санкций в порядке их важности для его концепции морали. Тот исследователь, которого будет интересовать историческая динамика взглядов Дробницкого, сможет расположить их в ином порядке и сделать соответствующие выводы.

а) моральные санкции и антиномия моральной детерминации в немарксистской этике

В монографии понятие санкций оказывается ключевым в двух теоретических контекстах. Первый контекст – это попытки Дробницкого содержательно прояснить и разрешить одну из «антиномий в понятии морали», а именно – антиномию моральной детерминации. В его списке антиномий она выступает под номером пять, наряду с антиномиями субъективного и объективного, общего и особенного, моральной значимости и практической целесообразности, общественной и личностной сторон морали. Суть антиномии в том, что моральные поступки можно рассматривать в свете социально-психологической каузальности, и это дает вполне правдоподобное их объяснение. Однако понимание того, что нравственная способность или добродетель постоянно сопротивляются «логике фактов», заставляет дополнительно обсуждать «детерминацию... принципиально иного плана, нежели материальная или психологическая причинность» [Дробницкий, 1974, 110].

Если рассматривать мораль как фактор социально-психологической каузальности, то она оказывается сложным механизмом дисциплинирования и интегрирования людей, в котором существенную роль играют именно санкции. Эти санкции опираются на заинтересованность человека «во внешнем признании» и способствуют формированию «соответствующих склонностей, привычек и стремлений индивидов». Смысл санкций состоит в том, чтобы стимулировать добродетельное поведение и превратить в невыгодное поведение аморальное [Там же]. Таково социологическое понимание моральной детерминации. Противоположное понимание отождествляет ее с внесоциальным и внесоциальным долженствованием, которое свободно принимается агентами на основе разума. Антиномия моральной детерминации представляет собой именно антиномию, ведь оба взгляда на сущность морали носят типичный характер: первый устраняет моральное долженствование, моральную ценность и моральную оправданность поступков, второй – превращает мораль в фикцию, во что-то такое, что вообще нельзя назвать детерминацией. «Антиномичная альтернатива», по Дробницкому, такова:

Либо... [мораль] есть «чистое» долженствование (или ценность, оправдание чего-то, лишь оценка или предписание), но тогда она не имеет отношения к действительным причинам человеческих действий и убеждений, не может, стало быть, реально управлять ими. Либо мораль и есть эта причина и само поведение человека (механизм чувственно волевых импульсов, система общественных санкций и воздействий, социальная необходимость и способ ее

реализации), но тогда уже нельзя говорить о специфически моральном должновании или ценности фактически совершаемых поступков и обычаев, об оправданности убеждений и чувств [Дробницкий, 1974, 117].

Для целей данной статьи важны два обстоятельства. Во-первых, характеризуя первую сторону антиномии, Дробницкий не использует термин «моральные санкции» и не упоминает какого-то особого их понимания социологически ориентированными мыслителями (хотя оно у них было). Он обсуждает нравственное (добродетельное) и аморальное поведение, но санкции, которые его поддерживают, именуется не моральными, а социальными (общественными). Это не случайно, поскольку социологическая интерпретация морали, по его мнению, не отражает специфику моральной детерминации в той мере, которая позволяла бы хоть сколько-то осмысленно оперировать термином «моральные санкции». Все социальные санкции в рамках социологической интерпретации морали слишком похожи друг на друга по своей природе, чтобы вводить такие разграничения. Во-вторых, в описании индивидуалистических и метафизических интерпретаций моральной детерминации Дробницкий вовсе не упоминает санкции. Причиной можно считать то, что, по мнению Дробницкого, в так понятой внутренней механике морального опыта санкции не могут играть существенной роли. Это дополнительно свидетельствует о том, что Дробницкий не видит возможности называть санкциями явления внутреннего опыта, не вызванные внешними воздействиями.

Дополнительные штрихи в характеристику первой стороны антиномии моральной детерминации вносит специальный анализ Дробницким современных «социологических интерпретаций морали». Здесь Дробницкий фиксирует не только простое непонимание социологически ориентированными мыслителями специфики морали, но и их попытки уйти от одностороннего взгляда на мораль. Эти попытки неудачны, но вызваны признанием несовершенства своей теоретической позиции. Дробницкий подчеркивает, что современной социологической мысли не свойственно отождествление моральных норм с теми, исполнение которых обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность сообщества. Уже Э. Дюркгейм показал, что «добродетель отнюдь не всегда состоит в совершении действий, необходимых для благоденствия общества» [Там же, 158]. Общественные функции поступка не объясняют того, что ему придается нравственная ценность. На уровне эмпирически подтвержденных суждений социолог может указать лишь на то, что коллективная воля в определенном обществе санкционировала именно этот идеал, и именно он внедряется в нем разными методами социального давления. Мораль для современного социолога есть «волепринуждение общества, осуществляемое посредством обычаев, стихийного подражания, давления общественного мнения и иных санкций» [Там же, 160].

А это создает существенный разрыв между социологией и феноменологией морали: ведь само моральное сознание постоянно проводит грань между общепринятым и должным, конформным и собственно нравственным поведением. При восприятии морали как «волепринуждения» на основе исторически случайного идеала этот разрыв даже больше, чем в случае отождествления морали с пользой общества. Некоторых социологов он всерьез беспокоит. Дробницкий

упоминает в этой связи Т. Парсонса, который призывал признать факт сопротивления социальному давлению на моральной основе, а также Р. Мак-Ивера и Ч. Пейджа, которые вынуждены были согласиться с «существованием специфически личных мотивов и оснований нравственного поступка, не сводимых к системе социальных велений и санкций» [Дробницкий, 1974, 161, 163]. Однако, по убеждению Дробницкого, социология не может дать полноценный теоретический ответ на собственное беспокойство, вынося моральную свободу индивидов за пределы научного анализа.

б) моральные санкции и преодоление антиномии моральной детерминации в марксистской этике

Такой ответ может дать лишь марксистская этика. Преодоление антиномии моральной детерминации у Дробницкого начинается с выявления природы норматива как детерминирующего поведение фактора, отличного от психических импульсов. Норматив определяет поступки, исходя из презумпции их альтернативности: «должно поступать так, но фактически... может произойти и другое». В свете норматива человек выступает как существо, наделенное волей – сверхпсихической способностью осуществлять выбор между действиями, преодолевая при этом спонтанные психические побуждения. Люди могут отступить от норматива, но это отступление не остается без последствий. Отклоняющиеся поступки сопровождаются санкциями, которые «могут иметь более жесткий и более мягкий характер (от физического насилия до словесного осуждения)» [Там же, 241]. В нормативной регуляции задействованы три элемента: объект регуляции, способы «понуждения, приобщения, приучения» к исполнению нормы и нормативное сознание.

Обсуждая антиномию детерминации, Дробницкий вводит несколько соображений о специфике морали как формы нормативной регуляции. Ее второй элемент характеризуется тем, что

...необходимость исполнения человеком своего долга отнюдь не сводится к подчинению внешнему давлению ближайшей общности... а требование личной мотивации своих действий может быть исполнено в самых различных формах психического переживания, побуждения, склонности или самопринуждения» [Там же, 244].

А третий элемент, моральное сознание, играет большую роль, чем в других формах регуляции, и является критической инстанцией. Как в своих коллективных, так и в индивидуальных формах моральное сознание судит действительность, в том числе действительность господствующих в обществе норм. В связи с этим оно легко может входить в конфликты с «социальным нормированием» поведения [Там же, 147–149]. Именно неспособность немарксистской этики осознать разницу между «моральным сознанием» и «моральной практикой» и понять, как они «сочленены» между собой, приводила к появлению антиномии моральной детерминации. В историко-материалистической модели Дробницкого это «сочленение» обеспечивает концепт «моральные отношения».

Что отсюда следует для проблемы моральных санкций? Во-первых, так как мораль – это нормативная регуляция, а санкционирование было включено в исходное описание нормативной регуляции, то моральные санкции должны существовать. Во-вторых, если специфика этой формы нормативной регуляции состоит в том, что «внешнее давление ближайшей общности» уравновешено в ней «нормативным сознанием», то это должны быть санкции, которые каким-то образом опосредованы критическим сознанием, в том числе критическим сознанием самого нарушителя нормы. Такие санкции не могут выражаться в прямом насилии и его угрозе, поскольку в этом случае для работы нормативного сознания нарушителя не остается пространства. Но они не могут сводиться и к самому по себе общественному осуждению, поскольку в этом случае не ясно, в чем состоит такая работа. Однако ответ на вопрос, какие санкции отвечают этим условиям, мы видим уже в сравнении морали, права и обычая.

в) санкции обычая и санкции морали

Систематическое сравнение разных форм нормативной регуляции – второй контекст, в рамках которого в монографии возникает анализ проблемы моральных санкций. Регуляторы поведения подразделяются Дробницким на институциональные и неинституциональные, т.е. те, которые проводят нормативные требования в жизнь с помощью специальных учреждений с их строго очерченными полномочиями, и те, которые построены на децентрализованной поддержке норм со стороны всего того сообщества, отношения в котором регулируются на основе этих норм. В первой нише присутствуют право и организационно-административные институты, во второй – обычай и мораль. Именно сравнение обычая и морали выводит Дробницкого на итоговые, наиболее точные суждения о специфике и сути морали, а затем и моральных санкций.

Как для морали, так и для обычая характерно то, что каждый член сообщества является одновременно субъектом и объектом процесса регулирования, исполнителем нормы и ее проводником. Каждый может предъявлять требования и выносить оценки. Однако в случае обычая вменение требования к исполнению и оценка его исполнения коллективом не нуждаются в обосновании. Коллектив воздействует на индивида с помощью «аффективно-волевых» средств (осуществляет «эмоционально-волевое давление») [Дробницкий, 1974, 276–277]. В сфере морали в силу возникновения в ней разрыва между сущим и должным имеют место иные, «духовные», или «идеальные», способы воздействия. Они предполагают, что предъявление конкретного требования или оценка конкретного поступка опосредованы какими-то «системными представлениями (нормами, принципами, понятиями добра и зла, справедливости др.)» [Там же, 277]. Индивид принимает внешнее требование или внешнюю оценку только в том случае, если они обоснованы в свете ранее признанных им «системных представлений». Однако он имеет возможность аргументированно отклонить требование или упрек. Он самостоятелен и «автономен в рамках сообщества», он является личностью и в полном смысле этого слова «разумным» существом. В историческом аспекте переход от обычая к морали

есть переход к более тонким и глубоким механизмам регулирования. Таково основное направление прогресса в области неинституциональных регуляторов, тогда как в сфере институциональных прогресс обеспечивается на основе дифференциации и формализации норм и взысканий.

Именно эту специфику морали Дробницкий проецирует на проблему санкций. Отправной точкой в этом случае вновь является позиция Дюркгейма, который, по мнению Дробницкого, считал, что реакция окружающих имеет значение в морали «сама по себе» [Дробницкий, 1974, 278]. Среди своих союзников, уделявших более серьезное внимание «механизмам личного побуждения», он числил Парсонса. И, действительно, упоминавшаяся выше критика Дюркгейма Парсонсом имеет аспект, который прямо относится к механизмам наложения санкций за нарушения. Так, Парсонс утверждает:

Дюркгейм воспринимает правило и связанные с ним санкции как морально или эмоционально нейтральные для деятеля... Так же как условия биологического существования являются неизменными фактами, которые было бы глупо одобрять или которыми было бы глупо возмущаться, также и правила поведения того общества, к которому принадлежит деятель, и все то, что произойдет с ним, если он нарушит правила, – это просто факты. Установка деятеля – это расчет [Parsons, 1966, 380].

Данное описание, конечно, не отражает подлинную позицию Дюркгейма, но вполне адекватно воспроизводит его невнимание к реакции самого нарушителя на наложенные на него санкции. Для Дробницкого же критика Дюркгейма становится не только основой для поправок к пониманию морали, но и основой для выделения особого типа санкций.

В обычной системе регулирования санкцией служит сама по себе реакция окружающих на нарушение, а в моральной – тоже реакция окружающих, но лишь в той мере, в какой она является истинным общественным суждением. В первом случае внешняя оценка вменяет поведение, поскольку она порождает травматичный разлад с группой, во втором – поскольку она признается индивидом в качестве правильной или справедливой. Конечно, нарушение может оставаться «неизвестным окружающим», или они могут оказаться «глухи к проявлениям зла», и это не меняет «объективного состояния правоты, заслуги или вины» [Дробницкий, 1974, 280]. Но пишущий о таких ситуациях Дробницкий не называет самопроизвольные психические реакции нарушителя на собственную неправоту санкциями. А в резюмирующем его концепцию моральных санкций фрагменте из шестой главы монографии он хотя и упоминает не только «способность испытывать чувство стыда при каком-либо порицании», но и «раскаяние» с «угрызениями совести», никак не реагирует на очевидный факт, что и «раскаяние», и «угрызения совести» могут возникать без внешнего повода [Там же, 337]. В центре внимания Дробницкого постоянно находится взаимодействие между «психологическим воплощением оценки» у окружающих и «судом [нарушителя] над собой», или то, как «моральная санкция “извне”» (порицание совершаемого поступка внешним наблюдателем) превращается в «собственно моральную “изнутри”» (признание этого порицания) [Там же, 280, 337]. Поэтому «идеальный характер нравственной санкции», обсуждаемый Дробницким в монографии, состоит, скорее всего, во-первых,

в отсутствии «материально-действенного» понуждения и, во-вторых, в необходимости сочетания внешнего и внутреннего элементов санкции (в работах о Дробницком такое понимание им моральных санкций может быть отражено хотя и кратко, но точно [Apressyan 2021], а может быть затемнено неопределенными формулировками [Kurhinen 2015]).

Дробницкий и вторая традиция понимания моральных санкций

В диссертации, как и в монографии, много пассажей и фрагментов, где воспроизводится схема соединения внутренней и внешней составляющих идеальной нравственной санкции. Образцовый пример есть в девятой главе, параграф «Понятия морали, выражающие общеобязательные требования». Здесь «идеальными санкциями», свойственными моральной регуляции, названы «одобрение и осуждение». Если они превращаются в основание для «материально-действенных санкций», то воздействие на нарушителя выходит за пределы механизмов морали. Но «собственно моральные санкции» присутствуют лишь там, где имеют место «соответствующие общественной оценке личностные формы морального сознания (стыд и гордость, честь, достоинство, совесть)» [Дробницкий, 1969, 732–733]. Однако задача моего обращения к тексту диссертации – показать, что в некоторых случаях Дробницкий применял понятие «моральная санкция» скорее в духе второй, а не первой традиции его понимания.

В некоторых случаях такого рода трудно определить, что происходит в тексте, то ли это переход к иному пониманию моральных санкций, то ли смешение двух значений слова «санкция», как это было в словарной статье. Например, в обсуждении феномена «самооценки» Дробницкий повторяет, что «идеальный» или «духовный» характер нравственной санкции выражается именно в форме оценки. Оценка воздействует на сознание индивида и ведет к изменению его поведения через ее «осознание». То есть до этого момента мы видим повторение уже известного основного тезиса концепции моральных санкций Дробницкого. А затем следует примечательное утверждение:

Поскольку же такой контроль (санкция) над поступками может осуществляться самим деятельным агентом, то он *отвечает* за свои действия, ответствен за них не просто как испытывающий на себе материально-действенные последствия своих поступков (получает награду или наказание), а как лицо, должное осознать значение своих акций [Там же, 781].

Этот пассаж можно понять и как расширение ряда моральных санкций за счет каких-то воздействий агента на самого себя, не связанных с внешней оценкой, или как простое указание на тот факт, что обладающий волей агент дает себе санкцию на какие-то действия, т.е. принимает решение их совершить.

Однако в диссертации есть фрагмент, который похож именно на изменение словоупотребления. В главе восьмой, параграф «Свобода воли как категория морального сознания», присутствует интересный нарратив становления морали и этической мысли. Движение, которое показывает Дробницкий, состоит в постепенном освобождении морального агента от внешнего и внутреннего принуждения в форме личной заинтересованности. Причем внутреннее

принуждение включает в себя в том числе муки раскаяния и прямо именуется санкцией.

Первый шаг в этом процессе – освобождение агента от страха наказания. Оно не тождественно освобождению от «личной заинтересованности вообще». Эта заинтересованность «просто получает более идеальный характер». Она превращается в «заинтересованность во внешнем одобрении и опасение всеобщего осуждения». *Второй шаг* (Дробницкий характеризует его как появление «более развитого морального сознания») предполагает, что заинтересованность в одобрении и осуждении становится уже заинтересованностью в личной, внутренней психологической санкции («награда удовлетворенности собой» и «наказание мук раскаяния»), выдвигаемой на передний план в условиях, когда уже утрачивается вера в непогрешимость и безусловную справедливость общественного признания и осуждения или когда становится очевидным, что общественное мнение не способно регулировать все без исключения поступки индивида (он, например, способен их скрыть от окружающих) [Дробницкий, 1969, 709].

Если учесть, что «внутренняя санкция» отождествляется здесь с «муками раскаяния», сложно предположить, что слово «санкция» используется для обозначения санкционирования как легитимизации. Значит, для Дробницкого негативная санкция как последствие нарушения нормы может иметь место при полном неведении окружающих об этом нарушении и состоять исключительно в положительных или отрицательных переживаниях агента.

Интересен пример, который приводит Дробницкий в отношении этой стадии: «Этот психологический характер моральной “награды” и “наказания”, – пишет он, – получает отражение в стоическом положении о том, что “наградой добродетели является сама добродетель”». Здесь же упоминается Милль, который сделал «это обстоятельство» (вероятно, имеется в виду состояние дел, характерное для данной стадии развития морали и этики) поводом к тому, чтобы доказывать, что в конечном счете человек сам, лично заинтересован в следовании нравственно должному; он будет вознагражден своим сознанием, а потому для человека достаточно, если он стремится к тому, чтобы в своих действиях избегать мук совести и испытывать удовлетворенность собой [Там же, 709–710].

Однако мораль, опирающаяся на санкции в виде мук совести или удовлетворенности собой, не является конечной точкой в описываемом Дробницким движении, поскольку он замечает, что «зависимость мотива от “идеальных наград и наказаний” в дальнейшем преодолевается моралью в понятии совести». То есть мы видим, что с его точки зрения мораль или какие-то ее высшие проявления могут обходиться не только без комплексных внешне-внутренних, но и без обладающих очищенной идеальностью, сугубо внутренних санкций. Последняя стадия развития морали, отраженная в некоторых течениях осмысляющей ее этики, это стадия «нравственной свободы», которая «заключается в способности человека пренебречь своими личными интересами в любой их форме, поступать “вопреки самому себе”, преодолевая в себе привычные склонности, желания, привязанности, психологические стереотипы. Это “свобода человека от *самого себя*”» [Там же, 710–711]. У внимательного читателя сразу возникает вопрос о том, как можно обойтись без мук или угрызений

совести на той стадии развития морали, которая маркируется Дробницким именно с помощью понятия «совесть». Это требует дополнительного исследования, нацеленного уже на реконструкцию его представлений о совести. Однако слово «санкция» здесь явно употребляется в духе второй традиции понимания моральных санкций.

Заключение

Итак, мы увидели, что концепция моральных санкций встроена в теоретическое описание Дробницким специфики морали как формы нормативной регуляции поведения. Негативные моральные санкции, с его точки зрения, отличается то, что в них внешнее воздействие, выражающее оценку поступков окружающими, совмещается с внутренним осознанием этой оценки, и именно внутреннее осознание или, вернее, связанные с ним переживания играют роль воздающего и превентивного фактора. Ведущая роль осознания нарушителем собственной вины в функционировании моральных санкций указывает на то, что их внешняя составляющая не может состоять в применении физической силы или эмоциональном давлении. Предъявление сознательной внешней оценки встречается в моральных санкциях с сознательной самооценкой. Эта теоретическая схема развивает ту традицию понимания моральных санкций, которая видит в них разные проявления общественного осуждения. Дробницкий превращает эту традицию в более глубокую и феноменологически более точную. Одновременно у Дробницкого встречается и отождествление моральной санкции с эмоциональными последствиями негативной самооценки, которая независима от суждений окружающих. Эта позиция, совпадающая в целом с другой традицией понимания моральных санкций, является для комплекса текстов Дробницкого маргинальной и несколько отклоняется от его трактовки морали как социального явления.

Moral Sanctions in the Ethics of O.G. Drobnitskii

Andrey V. Prokofyev

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

ORCID 0000-0001-5015-8226

e-mail: avprok2006@mail.ru

The paper reconstructs O.G. Drobnitskii's view on moral sanctions and fits it into the history of studying this phenomenon in ethics, sociology and anthropology. The description of moral sanction proposed by O.G. Drobnitskii generally coincides with the tradition of its understanding that links it with public condemnation of a transgressor. In his first analysis of the problem, in *The Short Dictionary of Ethics*, he defines moral sanction as a spiritual impact on a transgressor that does not affect her real position and material interest. Here moral sanction consists in censure. In his monograph *The Concept of Morality: Historical-Critical Essay*, he further develops this idea and proposes the conception of the be-polar character of moral sanction: the first pole is external (the public condemnation itself), and the second pole is internal (the acceptance of the condemnation by a transgressor and her feelings of

shame, repentance, and remorse). This is what makes morality different from custom which rests upon the sheer ‘emotional-volitional pressure’. So the ‘ideal character’ of moral sanction reveals itself not only in the absence of physical coercion but in the proper ‘subjective attitude [of a transgressor] to herself’. The second tradition of understanding of moral sanctions includes among them the very self-condemnation of a transgressor and her negative emotions of self-appraisal. Drobnitskii got closer to this tradition in a few fragments of his dissertational thesis.

Keyword: ethics, morality, moral causation, normative regulation, moral sanctions, remorse, shame

Литература / References

- Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.
- Drobnitskii, O.G. *Ponyatie morali. Istoriko-kriticheskii ocherk* [The Concept of Morality: Historical-Critical Essay]. Moscow: Nauka Publ., 1974.
- Дробницкий О.Г. Санкция моральная // Краткий словарь по этике / Общ. ред. О.Г. Дробницкого, И.С. Кона. М.: Политиздат, 1965. С. 391–393.
- Drobnitskii, O.G. “Sanktsiya moral’naya” [Sanction Moral], *Kratkii slovar’ po etike* [The Short Dictionary of Ethics], ed. by O.G. Drobnitskii, I.S. Kon. Moscow: Politizdat Publ., 1965, pp. 391–393. (In Russian)
- Дробницкий О.Г. Моральное сознание. Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали. Дис. ... д.филос.н. М., 1969.
- Drobnitskii, O.G. *Moral’noe soznanie: Voprosy spetsifiki, prirody, logiki i struktury npravstvennosti. Kritika burzhuaznykh kontseptsii morali* [Moral Consciousness: Specificity, Nature, Logic, and Structure of Morality. Criticism of Bourgeois Concepts of Morality]. Doctoral (Philosophy) Dissertation. Moscow, 1969. (In Russian)
- Курхinen П. Проблема сущности морали в этической концепции Олега Григорьевича Дробницкого. Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2015.
- Kurhinen, P. *Problema sushchnosti morali v eticheskoi kontseptsii Olega Grigor’evicha Drobnitskogo* [The Problem of the Essence of Morality in the Ethical Conception of Oleg Grigorievich Drobnitskii]. Cand. sci. (Philosophy) Dissertation. St. Petersburg, 2015. (In Russian)
- Милль Дж.С. Утилитаризм. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2013.
- Mill, J.S. *Utilitarizm* [Utilitarianism]. Rostov-na-Donu: Donskoi izdatel’skii dom Publ., 2013. (In Russian)
- Apressyan, R. “The Concept of Universality in Oleg Drobnitskii’s Moral Philosophy”, *Studies in East European Thought*, 2021, Vol. 73, No. 1, pp. 95–112.
- Parsons, T. *The Structure of Social Action. A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*. New York: Free Press, 1966.
- Radcliffe-Brown, A.R. *Structure and Function in Primitive Society. Essays and Addresses*. Glencoe: Free Press, 1952.